

ПУШКИН

Авторы: Д. П. Ивинский

Портрет А. С. Пушкина работы В. А. Тропинина. 1827. Всероссийский музей А. С. Пушкина (г. Пушкин).

ПУШКИН Александр Сергеевич [26.5(6.6). 1799, Москва – 29.1(10.2).1837, С.-Петербург; похоронен в Святогорском монастыре, ныне Псковская обл.], рус. поэт, драматург, прозаик, историк, лит. критик и журналист. Из рода [Пушкиных](#). Отец – Сергей Львович (1767 или 1771 – 1848), мать – Надежда Осиповна, урождённая Ганнибал (1775–1836), внучка генерал-аншефа А. П. [Ганнибала](#). Детство провёл в Москве, где получил первые представления о светской и лит. жизни, рус. истории и культуре, приобщился к чтению сочинений русских и в особенности франц. авторов, создал первые лит. произведения, в т. ч. комедию «Похититель» и поэму «Толиада»

(1809–11, не сохр.). Определённое влияние на становление лит. интересов юного П. оказал его дядя – В. Л. [Пушкин](#).

В 1811 П. принят в новооткрытый Царскосельский лицей, где изучал классич. мифологию, античную (преим. римскую), франц., рус. лит-ру, европ. историю. В лицее у П. появились друзья, которым было суждено повлиять на его мировоззрение (И. И. [Пушин](#), А. А. [Дельвиг](#), В. К. [Кюхельбекер](#)); здесь же к нему пришло первое признание: его лит. дарование оценили Г. Р. [Державин](#), П. А. [Вяземский](#), К. Н. [Батюшков](#) и В. А. [Жуковский](#), которых П. считал своими наставниками в поэзии. Из других рус. писателей наибольшее влияние на него оказали М. В. [Ломоносов](#), А. П. [Сумароков](#), В. П. [Петров](#), Д. И. [Фонвизин](#), Н. М. [Карамзин](#), И. А. [Крылов](#); из

европейских – Ж. де [Лафонтен](#), [Вольтер](#), Ж. Ж. [Руссо](#), Э. [Парни](#) и вся школа франц. [«лёгкой поэзии»](#). Осн. темы лицейской лирики П. – любовь, вино, дружба, поэзия; первое опубликованное стих. «К другу стихотворцу» («Вестник Европы», 1814, № 13). Во 2-й пол. 1810-х гг. на первый план выступили иные интонации: подражая «унылым» элегиям Жуковского, П. обратился к темам непреодолимого одиночества, предчувствия смерти, утрат и ударов судьбы; элегич. топка проникла и в жанр послания: «Городок (К***)» (1815), «К Жуковскому» (1816, опубл. в 1840). Характерны эксперименты с поэтикой рус. оды, преим. «торжественной» и «политической»: ориентированные на этот жанр лицейские стихотворения осложнены ассоциациями с элегией («Воспоминания в Царском Селе», 1814), балладой («Наполеон на Эльбе», 1815), посланием (прямое обращение к адресату в стих. «Принцу Оранскому», 1816, опубл. в 1841) и в меньшей степени с топкой идиллии (тема детства в «Воспоминаниях в Царском Селе» и в оде «На возвращение Государя Императора из Парижа в 1815 году», 1815). Незавершёнными остались лицейские поэмы: «антиклерикальная» («Монах», 1813, опубл. в 1928–29) и «богатырская» («Бова», 1814, опубл. с цензурной правкой в 1841, полностью – в 1899).

После окончания лицея в июне 1817 П. поступил в С.-Петербурге на службу в Коллегию иностр. дел в чине коллежского секретаря и, обратив на себя внимание светского общества демонстрацией независимого поведения, энергично включился в лит. жизнь. Если в лицее он выступал против литераторов архаического направления на стороне писателей – последователей Н. М. Карамзина, объединившихся в лит. об-во [«Арзамас»](#), то в 1817, формально став членом об-ва и получив некогда желанную возможность заседать в «Арзамасе», ею почти не воспользовался, предпочитая вечера у осмеивавшегося им ещё недавно А. А. [Шаховского](#). Смена лит. ориентиров оказалась плодотворной: именно в это время формируется пушкинский худож. метод, основанный на парадоксальном сближении разнородного жизненного материала и принципиально разных лит. традиций. На мировоззрение П. в 1817–20 повлияли Н. И. [Тургенев](#) и П. Я. [Чаадаев](#): первый старался приобщить его к идеологии европ. либерализма, второй разъяснял необходимость интеллектуальной независимости.

Осн. произведение П. этого периода – поэма «Руслан и Людмила» (1817–20, опубл. в 1820), в которой лёгкость слога сочеталась со знанием рус. фольклора, истории,

традиций рус. «богатырской» поэмы и зап.-европ. рыцарских романов.

Оригинальность построения поэмы состояла в резких переходах от «отступлений» и описаний к сюжетной динамике, в насыщенности лит.-полемич. подтекстами, имевшими пародийный оттенок. В состав поэмы вошла, в частности, пародия на «Двенадцать спящих дев» В. А. Жуковского, который не без скрытой иронии надписал П. свой портрет: «Победителю-ученику от побеждённого учителя...».

В лирике П. петербургского периода, продлившегося по начало мая 1820, особое место занимают политич. стихотворения, как не противоречившие гос. идеологии и политике («Деревня», 1819, строки 1–34 опубл. в 1826 под назв. «Уединение»; полностью – в «Полярной звезде на 1855 год», Лондон; в России – в 1870), так и резко оппозиционные, среди них самая известная – ода «Вольность» (1817 или 1819, опубл. в 1856), в которой рассказывалось об истинных обстоятельствах убийства имп.

[Павла I](#), что было воспринято как обвинение имп. [Александра I](#) во лжи: офиц. версия утверждала, что Павел I скончался от апоплексич. удара. В апр. 1820 Александр I распорядился начать следствие о возмутительных стихах. П., благодаря помощи друзей, собств. находчивости и стечению обстоятельств, сумел избежать серьёзного наказания, получив назначение в Кишинёв в канцелярию ген. И. Н. [Инзова](#).

В Кишинёве П. проводил время в обществе М. Ф. [Орлова](#), неск. раз общался с П. И. [Пестелем](#), установил приятельские отношения с В. Ф. [Раевским](#), а также с И. П. Липранди (который станет прототипом Сильвио в повести «Выстрел», 1830); был принят в масонскую ложу «Овидий» [4(16).5.1821], история которой до сих пор в полной мере не прояснена: в частности, остаётся неизвестным, почему П. утверждал, что именно из-за деятельности «Овидия» в России «уничтожили все ложи». П. не был деятельным масоном: его единственное произведение, с уверенностью атрибутируемое как масонское, – послание «Генералу Пушину» (1821, опубл. в 1874), подчёркнуто риторич. и патетическое, допускавшее возможность иронич. интерпретации.

На юге П. увлёкся творчеством Дж. [Байрона](#); отчасти в подражание ему были созданы поэмы «Кавказский пленник» (1820–21, опубл. в 1822), которая имела большой успех, «Бахчисарайский фонтан» (1821–23, опубл. в 1824) и «Цыганы» (1824, отд. изд. –

1827) – с их «местным колоритом», лаконизмом повествования, отступлениями, намёками, умолчаниями и страстями. Герои этих поэм не верили в достижимость счастья, не умели и не хотели примириться с несовершенством мира, не понимали своего предназначения, искали и не находили свободы. «Байронизмом» отмечены некоторые лирич. стихотворения П. («Погасло дневное светило...», 1820, «К морю», 1824) и в меньшей степени «роман в стихах» «Евгений Онегин», который он начал писать в 1823. Почти одновременно с работой над поэмой «Бахчисарайский фонтан», в которой тема христианства представлена как высокая и значительная, в 1821 создан обширный цикл кощунственных произведений: «<В. Л. Давыдову>» (опубл. в 1884), «Христос воскрес, моя Ревекка!..», «Гавриилиада» (оба опубл. в 1861).
Любовная лирика южного периода сочетала демонстрацию интимности пылких чувств с умолчаниями и недосказанностями, граничившими с мистификацией: до сих пор в популярной лит-ре обсуждается миф о «потаённой любви» П. и кандидатуры на роль его гл. героини (как правило, называются имена Е. К. Воронцовой, М. Н. Раевской, А. Ризнич или К. Собаньской).

В духовной биографии П. 1823 стал переломным: поэт разочаровался в идеологии и практике революц. конспирации, открывшихся ему не столько героикой подвига и самопожертвования, сколько претенциозным пустословием и борьбой за лидерство. О заведомой неадекватности либеральных иллюзий совр. историч. реальности – стих. «Свободы сеятель пустынный...» (1823, опубл. в 1856). В 1824 в послании «К морю» революц. «просвещение» и тирания предстанут как две равно неприемлемые возможности. Со своей стороны декабристы с самого начала знакомства с П. ценили его лит. дарование, но не доверяли ему как человеку, полагая его слишком легкомысленным и беспечным. При этом отношение П. к бывшим лицеистам, участвовавшим в событиях 14(26).12.1825, И. И. Пущину и В. К. Кюхельбекеру, оставалось неизменно дружеским («И. И. Пущину», 1826, опубл. в 1841; «19 октября <1827>», опубл. в 1830; и др.).

Летом 1823 П. переведён в Одессу в распоряжение ген.-губернатора М. С. Воронцова, который вскоре стал тяготиться присутствием П., демонстративно пренебрегавшего служебными обязанностями, острого на язык и склонного к эпатажу; обычно предполагается, что свою роль сыграло увлечение П. его женой – Е. К. Воронцовой

[ей посвящены стихотворения «Сожжённое письмо» (1825, опублик. в 1826) и «Храни меня, мой талисман...» (1825, опублик. в 1916)]. Письма П. перлюстрировались; в одном из них говорилось о его интересе к «чистому афеизму». Власти признали служебную карьеру П. завершённой, и летом 1824 он был сослан в родовое имение Ганнибалов-Пушкиных с. Михайловское Псковской губ. под надзор местных властей (полицейский надзор над П. не был снят до конца жизни).

Рисунки А. С. Пушкина на черновой рукописи поэмы «Полтава». 1828. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

Досуг П. заполнили чтение Библии, произведений У. Шекспира и И. В. Гёте, изучение рус. истории и фольклора. В центре его лит. размышлений – проблема [романтизма](#), что во многом объясняется полемикой вокруг «Бахчисарайского фонтана»: поэма была опубликована с обширным предисловием П. А. Вяземского, описавшего рус. лит. ситуацию в категориях борьбы романтизма и [классицизма](#) и безоговорочно принявшего сторону первого. В отличие от Вяземского, П. полагал, что «русского классицизма» не существует. В наброске ст. «О поэзии классической и

романтической» (1825, опублик. частично в 1855) он рассматривал классицизм и романтизм как категории, обобщающие историю лит. жанров, связывая с классицизмом формы, известные античной лит-ре, и относя к романтизму те, «которые не были известны древним» или претерпели изменения. Полагая, что истинный классицизм в России – дело будущего, П. со 2-й пол. 1820-х гг. всё чаще обращался к античным формам, одновременно пытаясь воскресить поэтику торжеств. оды и эпич. поэмы [мотивы и стилистика этих жанров нашли отражение в эпилоге «Кавказского пленника», позднее – в поэмах «Полтава» (1828, опублик. в 1829), «Медный всадник» (1833, опублик. в 1837, посм.)].

Нараставший интерес к классицизму не означал разрыва с романтизмом: трагедия «Борис Годунов» (1824–25, окончат. ред. 1830, опублик. в 1831) мыслилась П. как романтическая, поскольку представляла собой результат глубокого переосмысления

формы классицистич. трагедии (демонстративное нарушение требований единства времени и места, чередование стихотв. фрагментов с прозаическими, допущение просторечий и т. д.). В «Борисе Годунове» П. выступил как единомышленник Н. М. Карамзина, всегда стремившегося подчеркнуть ответственность аристократии за судьбу государства: мнение народное представало как объект манипуляций, движущей силой событий оказывалось провидение – Божий суд, от которого не суждено было уйти ни Годунову, ни Отрепьеву. Один из наиболее значимых аспектов созданной П. в трагедии картины мира – историзм, не знающий ограничений и распространяющийся на идеологию, социальную и индивидуальную психологию, культурный быт и язык, требующий точности в деталях, отказывающийся от аллюзий, но связывающий историю и современность как на уровне длящихся историч. «сюжетов» нац. истории, так и на уровне единства нац. историч. памяти; историзм скорее универсальный, чем национальный, где подлинной и единственной мерой понимания и оценки историч. событий оказывается христианская этика.

В Михайловском были написаны неск. глав «Евгения Онегина», который стал своего рода дневником П., отразившим не только развитие героев, но и духовную эволюцию самого поэта. Осн. тема романа – соотношение лит-ры и жизни: восприятие действительности через посредство лит. текста осмыслялось в сложном контексте истории чувств (которая описывалась с помощью явных и скрытых отсылок ко многим произведениям) и расценивалось П. скептически как проявление провинциального мышления (ср. иронически окрашенные замечания о Татьяне, которая приняла Онегина за Грандисона). В 3-й главе П. рассуждал о «романе на старый лад», в котором торжествовала добродетель, и о новом, в котором восторжествовал порок. «Евгений Онегин» начинался как сочинение в новейшем вкусе, как рассказ о «москвиче в гарольдовом плаще», где «русская хандра» соотносилась с «англицким сплином», но закончиться он должен был «на старый лад» – отказом Татьяны – в абсолютном несоответствии духу новой эпохи. Вместе с тем мотивы долга, личного достоинства и чести сочетались с темой невозможности взаимопонимания в мире, где царят рок и случай, отнимающие любовь и надежду, где малозначимый поступок способен повлечь за собой самые серьезные последствия и где переживание необратимости времени и поступка стало доминантой самосознания героев и автора.

Восстание 14(26).12.1825, следствие и суд над заговорщиками П. воспринял

А. С. Пушкин. Два автопортрета. 1826. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (С.-Петербург).

двойственно. Лично зная мн. участников событий, он относился к ним сочувственно, в первую очередь к И. И. Пущину и В. К. Кюхельбекеру, которых до конца жизни считал своими друзьями (см., в частности, послание «И. И. Пущину»), – неслучайно в его стихотворениях возникала тема «милости к падшим» [«Стансы» («В надежде славы и добра...»), 1826, опубл. в 1828; «Пир Петра Первого», 1835, опубл. в 1836; и др.]; но в революцию не верил, а поскольку ни прямо, ни косвенно не участвовал в её подготовке, то надеялся на освобождение из ссылки. Оно оказалось почти мгновенным и драматическим. В ночь с 3(15) на 4(16).9.1826 П. получил предписание явиться в Москву. 8(20) сент. состоялась беседа поэта с имп. [Николаем I](#), в ходе которой П. на заданный вопрос, принял бы он участие в восстании, будь он 14 дек. в С.-Петербурге, отвечал утвердительно, объясняя это тем, что заговорщики были его друзьями. Результатом разговора стало позволение П. выбирать место жительства и отмена общей цензуры: Николай I объявил, что сам будет его цензором. Как выяснилось впоследствии, эта милость не в полной мере оградила П. от общей

цензуры, а вместе с тем обнаружила определённую двусмысленность: так, «Борис Годунов» был разрешён к печати далеко не сразу; в то же время печатание «Истории Пугачёвского бунта» вряд ли было бы дозволено обычной цензурой.

Осень 1826 – вершина прижизненной славы П., восторженно встреченного лит. и

светской Москвой; публичные чтения «Бориса Годунова» следовали одно за другим. Успех, однако, был омрачён: в либеральном англ. клубе П. провозглашал здравие нового государя, что было воспринято как конформистское отступничество от прежнего свободолюбия. Когда в мае 1827 П. уехал в С.-Петербург, его отношения с моск. кругами были уже основательно испорчены; показательно, что в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833–35, опубл. не полностью в 1841, полностью – в 1880) П. будет сочувственно писать об осмеянной А. С. Грибоедовым в «Горе от ума» «фамусовской» Москве.

Со 2-й пол. 1820-х гг. П. всё чаще обращается к религ. тематике: такова ода «Пророк» (1826, опубл. в 1828), ориентированная на начало 6-й главы библейской Книги Исаяи. К 1827 относится первый значит. опыт П. в прозе – оставшийся незавершённым историч. роман «Арап Петра Великого» (1827, опубл. полностью в 1837, посм.). В лирике П. усиливаются мотивы недовольства собств. жизнью [«Воспоминание» («Когда для смертного умолкнет шумный день...», 1828, опубл. в альм. «Северные цветы на 1829 год»)] и отчаяния («Дар напрасный, дар случайный...», 1828, опубл. в альм. «Северные цветы на 1830 год»). Произведение вызвало полемич. отклик митр. [Филарета](#) (Дроздова): «Не напрасно, не случайно / Жизнь от Бога нам дана...», на который в 1830 П., в свою очередь, ответил стих. «В часы забав иль праздной скуки...».

В конце декабря 1828 в Москве П. впервые встречает Н. Н. Гончарову, весной 1829 сватается к ней, но получает уклончивый ответ от её родителей. Без разрешения властей он отправляется в путешествие на Кавказ, где, по крайней мере однажды, принимает участие в боевых действиях. Творч. результатом поездки стала незавершённая поэма «Тазит» (1829–30, опубл. в 1837), замысел которой сформировался в контексте размышлений о христианском миссионерстве на Кавказе и милосердии как основе христианства, а также стихотворения т. н. кавказского цикла: «На холмах Грузии...» (1829, опубл. в 1830), «Монастырь на Казбеке» (1829, опубл. в альм. «Северные цветы на 1831 год») и др.; на основе кавказского путевого дневника будет написано «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» (1835, опубл. в 1836).

Пребывание П. в С.-Петербурге, куда он вернулся осенью 1829, было отмечено драматич. борьбой с Ф. В. Булгариным, который, пытаясь скомпрометировать «литературных аристократов», писал доносы на поэта, распространял сведения о заискивании П. перед властями и печатал разборы его произведений, констатируя «совершенное падение» пушкинского дарования. П. отвечал эпиграммами и памфлетами, принял активное участие в «Литературной газете» Дельвига (1830–31), сочетавшей принципы аристократизма и либерального консерватизма, но не смог изменить ситуацию: значит. часть читающей публики была на стороне Булгарина.

Менее выразительным было постепенно усиливавшееся расхождение П. с европейски ориентированной частью либеральной аристократии. В 1830 П. в обращённом к кн. Н. Б. Юсупову послании «К вельможе» бегло набросал идеальный образ аристократич. культуры предреволюц. Европы. Эти стихи вызвали полемику; многие усмотрели в них не оппозицию революции и демократич. движению, а желание угождать сильным мира. Эта точка зрения упрочилась осенью 1831 после выступления П. с одой «Клеветникам России». Эти стихи резко осудили П. А. Вяземский и Н. И. Тургенев; среди немногих, кто открыто выступил на стороне поэта, был П. Я. Чаадаев. Толки об «искательстве» П. обобщил знавший его польск. поэт А. Мицкевич, который в стих. «Русским друзьям», вошедшем в приложение к 3-й части его поэмы «Дяды» (1832), в слегка завуалированной форме высказал неск. суждений о политич. ренегатстве П. (П. ответит Мицкевичу в стих. «Он между нами жил...», 1834, опубл. в 1841).

Осень 1830 П. провёл в родовом имении с. Болдино Лукояновского у. Нижегородской губ., куда выехал 1(13) сент. с целью вступления во владение частью родового имения – Кистенёвым, которое отец выделил ему накануне женитьбы, и где П. задержался до конца ноября из-за холерных карантин. В это время завершён осн. текст «Евгения Онегина», написаны «маленькие трагедии» [«Скупой рыцарь» (опубл. в 1836), «Моцарт и Сальери» (опубл. в альм. «Северные цветы на 1832 год», пост. в 1832), «Пир во время чумы» (опубл. в альм. «Альциона на 1832 год»), «Каменный гость» (опубл. в 1839)], поэтич. «Сказка о попе и о работнике его Балде» (опубл. в 1840), прозаич. «История села Горюхина» (не завершена; опубл. в 1837), поэма «Домик в Коломне» (опубл. в 1833), ок. 30 лирич. стихотворений, среди которых

«Элегия» («Безумных лет угасшее веселье...», опубл. в 1834), «Бесы» (опубл. в 1831), «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовью народной», опубл. в 1830), «Румяный критик мой...» (опубл. в 1841), «Что в имени тебе моём?» (опубл. в 1830). Попыткой пересмотра всей традиции новой рус. прозы стал цикл «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» (опубл. в 1831), объединивший повести «Выстрел», «Метель», «Гробовщик», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка», в которых П., стремясь к максимально последовательному разграничению поэтич. и прозаич. стилей, противопоставил насыщенной перифразами, иносказаниями, почерпнутыми из лирики метафорами и сравнениями прозе Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. А. [Бестужева](#) лаконизм и простоту выражения. Под пером П. проза обогащалась новыми жанровыми ассоциациями: бытовой, историч. или лит. анекдот входил в неё вместе с элементами традиц. новеллы и романа, а пародийное переосмысление традиц. сюжетных ходов сочеталось с поэтизацией рус. дворянской жизни.

«Медный всадник». Иллюстрация А. Н. Бенуа к изданию 1923.

В янв. 1832 распоряжением императора П. зачислен на службу в Коллегию иностр. дел, получив разрешение работать в архивах для написания историч. труда о [Петре I](#). «Истории Петра» (1831–1836; не окончена) П. придавал особое значение: в ней должны были отразиться его представления о фундам. основаниях историч. и нравственного бытия

Рос. империи. С февр. 1833 П. начал работу над историей восстания Е. И. [Пугачёва](#); в авг. – сент. 1833 совершил поездку по «пугачёвским» местам – Нижний Новгород, Казань, Симбирск, Оренбург, Уральск; 1(13).10.1833 приехал в Болдино. Вторая «болдинская осень» [продлившаяся до 9(21).11.1833] увенчалась поэмами «Медный всадник. Петербургская повесть» (опубл. в 1837, посм.), «Анджело», повестью в прозе «Пиковая дама» (обе опубл. в 1834), «Историей Пугачёвского бунта» (ч. 1–2, опубл. в 1834; первоначальное назв. «История Пугачёва» изменено по воле Николая I), поэтич. сказками – «Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях» (опубл. в 1834), «Сказка о рыбаке и рыбке» (опубл. в 1835), стихотв. «Осень» (опубл. в 1841).

В произведениях П. 1830-х гг. европ. культура, её вечные образы и темы обобщались

и связывались с рус. культурой и обществ. жизнью, народность как выражение рус. духовного склада сочеталась с принципами аристократизма, а трагич. «пугачёвский» эпизод истории России обнаруживал хрупкость её гос. устройства и жестокость нар. нравов, сдерживаемых силой верховной власти (часто нравственно ущербной) и самоотверженностью людей чести. Многолетние размышления о Петре I и С.-Петербурге, о власти и личности нашли отражение в поэме «Медный всадник», герой которой, потерявший всё и проклинаящий Петра и его город, воплотил в себе отчаяние человека в момент крушения его надежд. Согласиться с героем, повторив вслед за ним его проклятие, невозможно: это означало бы отказать петровской империи и С.-Петербургу в праве на существование и историч. значение. Но и не сочувствовать герою нельзя: личная трагедия «бедного Евгения» оказывается более значимой, чем его неправота, и самый бунт его предстаёт как выражение его трагедии.

Однако именно в 1830-е гг., когда П. создаёт свои гл. произведения, у него становится всё меньше читателей: вкусы читающей публики изменились. Поэма «Полтава», в которой П. предпринял не только опыт полемики с декабристской традицией осмысления личности Петра I и его эпохи, но и попытку синтезировать поэтику романтич. поэмы с высоким стилем оды и эпопеи, успеха не имела; последние главы «Евгения Онегина» раскупались с трудом, известность «Повестей Белкина» ограничилась иронич. комментариями журналистов, «Борис Годунов» был принят лит. критикой холодно или враждебно, тираж «Истории Пугачёвского бунта» не раскупался.

Впервые о собств. близкой смерти П. начал говорить после того, как в 1831 умер его ближайший друг А. А. Дельвиг; постепенно эта тема занимает всё большее место в творчестве поэта. Так, в «Осени» образ корабля и знаменитый вопрос «Куда ж нам плыть?» двусмысленны, указывая как на попытку выбрать лит. сюжет, так и на осознание необходимости выбирать между жизнью и смертью: в европ. эмблематической традиции корабль, входящий в гавань, символизировал смерть и жизнь вечную. Мотивами грусти и одиночества проникнуты стихотворения «Пора, мой друг, пора!» (1834, опубл. в 1886), «Странник» (1835, опубл. в 1841), «Полководец» (1835, опубл. в 1836), «Когда за городом, задумчив, я брожу...» (1836, опубл. в 1857);

предчувствием близкой смерти отмечено стих. «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» (1836, опубл. в 1841).

В 1836 П. стал издавать ж. «Современник», задуманный как продолжение «Литературной газеты», однако журнал успеха не имел; его тираж неуклонно снижался. В том же году был опубликован роман «Капитанская дочка», ставший своеобразным манифестом «либерального консерватизма»: либеральная идея личности приписывается носителю идеи гос. служения, консерватору и монархисту, который погибнет, но не присягнёт «злодею». Сложная система эпитафий (частью придуманных П.) актуализирует лит. традицию 18 в., обрамляя романт. сюжет в духе В. Скотта, и представляет собой систему мотивировок поведения героя с его приверженностью традиц. морали. Гринёв – идеальный герой рус. лит-ры 18 в., включённый в сюжет романт. историч. романа. Понятиям долга, чести, верности, милосердия и любви, связанным с образом Гринёва, противопоставлены «ценности» романтизма, соотносимые с образом отрицат. героя – Швабрина, который оказывается наделённым всеми характерными атрибутами мышления и поведения романт. героя: он ироничен, эгоистичен и одинок, обладает чувством превосходства над окружающими, презирает мораль; страстная и безответная любовь подталкивает его к преступлению и оборачивается жизненной катастрофой.

Поэт венчался с Н. Н. Гончаровой 18.2(2.3).1831 в Москве. Семейная жизнь однако осложнялась бедностью, долгами, неустроенностью быта; светские и придворные успехи жены П. сопровождалась злословием и клеветой. Сложная интрига, до сих пор до конца не разгаданная, закончилась 27.1(8.2).1837 на Чёрной речке дуэлью П. с французом на рус. службе кавалергардом Ж. Дантесом, приёмным сыном голл. посланника Л. Б. Геккерна, на которой П. был смертельно ранен. Погребение П. состоялось

Памятник А. С. Пушкину работы Р.
Р. Баха. 1900 (г. Пушкин).

6(18).2.1837 в родовой усыпальнице
Ганнибалов-Пушкиных в Свято-Успенском
[Святогорском монастыре.](#)

П. – основоположник новой рус. лит-ры: обобщив наследие отеч. лит-ры 18 в. и осуществив сложный синтез выразит. возможностей книжных стилей и разговорной речи, он заложил основы совр. рус. [литературного языка.](#) П. канонизировал форму рус. романт. элегии и романт. поэмы, создал ряд эксперим. форм (роман в стихах; драмат. сцены; историч. роман, граничащий с документальной прозой; и др.), добившись подлинной оригинальности слога, идей, композиции. Созданная П. сложная худож. система воспринимается как открытая самым разным культурным контекстам, как русским, так и европейским; как вобравшая в себя существенные элементы поэтики классицизма, сентиментализма, романтизма и предвосхитившая ряд открытий реализма. Творчество П. – осн. подтекст рус. лит-ры 19–20 вв., всё пространство которой пронизывают явные и скрытые цитаты из его произведений: рус. поэты всех направлений и школ постоянно обращались к П. даже в условиях полемики с ним. Вскоре после смерти П. в рус. культуре утвердилось представление, согласно которому творческое наследие и личность П. – прообраз будущего рус. человека и общества (Н. В. [Гоголь](#)) и осн. вневременное идеальное содержание рус. жизни (А. А. [Григорьев](#)). Во 2-й пол. 19 в. «пушкинское направление», к которому причислялись писатели, не стремившиеся к созданию единой лит. программы, а по отд. аспектам существенно расходившиеся с П. (Е. А. [Боратынский](#), А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, М. П. [Погодин](#), А. С. [Хомяков](#), С. П. [Шевырёв](#) и др.), часто противопоставлялось «гоголевскому» как преим. эстетическое и идеальное – сатирическому и злободневному. В 20 в. такая постановка вопроса во многом утратила свою актуальность: пришло осознание того, что формотворчество и «поэзия действительности» в творчестве П. не исключали, а дополняли друг друга. Среди писателей, испытавших наибольшее влияние П., – Н. В. Гоголь, И. С. Тургенев, А. Н. Майков, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьёв, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, С. А. Есенин, А. Т. Твардовский.

Рукописи П. хранятся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН (С.-Петербург). В местах, связанных с пребыванием П., открыты мемориальные музеи: Музей-лицей и Музей-

дача в г. Пушкин (быв. Царское Село), Музей-квартира на набережной р. Мойка в С.-Петербурге – филиалы Всероссийского музея А. С. Пушкина; Музей-квартира на Арбате – филиал Гос. музея А. С. Пушкина (Москва); [Пушкинский заповедник](#); Музей-заповедник «Болдино» (Нижегородская обл.), Дом-музей в Кишинёве и др.

Литература

Соч.: Стихотворения. СПб., 1826; Стихотворения: В 4 ч. СПб., 1829–1835; Поэмы и повести: В 2 ч. СПб., 1835; Евгений Онегин: Роман в стихах. 3-е изд. СПб., 1837; Соч.: В 7 т. СПб., 1855–1857; Соч. и письма: В 8 т. СПб., 1903–1906; Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935; Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937–1949 (т. 17, справочный, 1959); Полн. собр. соч.: В 10 т. 2-е изд. М.; Л., 1956–1958; Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982; Полн. собр. соч.: В 19 т. М., 1994–1997; Дневник А. С. Пушкина, 1833–1835. М., 1997; Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999–2007–. Т. 1, 2 (Кн. 1), 7–; Соч.: Комментированное издание. М., 2007–2008. Вып. 1–2.

Лит.: Бартенев П. И. Пушкин в южной России. М., 1862; он же. О Пушкине. М., 1992; Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб.; П.; Л., 1903–1930. Вып. 1–39; Гершензон М. О. Мудрость Пушкина. М., 1919; Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929; Литературное наследство. М., 1934. Т. 16/18; М., 1952. Т. 58; Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936–1941. Вып. 1–6; Бродский Н. Л. А. С. Пушкин: Биография. М., 1937; Ходасевич В. Ф. О Пушкине. Берлин, 1937; Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. М., 1999; он же. Язык Пушкина. 2-е изд. М., 2000; Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина (1813–1826). М.; Л., 1950; он же. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М., 1967; Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. 1; он же. Статьи о Пушкине. М., 1962; Белинский В. Г. Сочинения А. Пушкина // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7; Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л.; СПб., 1956–2004. Т. 1–19; Словарь языка Пушкина. М., 1956–1961. Т. 1–4; Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956–1964. Кн. 1–2; он же. Пушкин и Франция. Л., 1960; Мейлах Б. С. Пушкин и его эпоха. М., 1958; Гроссман Л. Л. Пушкин. 3-е изд. М., 1960; Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.; СПб., 1963–2005. Вып. 1–30; Гуковский Г. А. Пушкин и русские романтики. М., 1965; Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1969; Фейнберг И. Л. Незавершенные

работы Пушкина. 5-е изд. М., 1969; Бонди С. М. Черновики Пушкина. М., 1971; он же. О Пушкине. М., 1978; Бочаров С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. М., 1974; Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974; Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1975; Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979; Лотман Ю. М. Роман Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. 2-е изд. Л., 1983; он же. Пушкин. СПб., 1995; Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Факсим. изд. М., 1985; Фомичев С. А. Поэзия Пушкина: Творческая эволюция. Л., 1986; Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. 4-е изд. М., 1986; Алексеев М. П. Пушкин и мировая литература. Л., 1987; Петрунина Н. Н. Проза Пушкина. Л., 1987; Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988; Ахматова А. О Пушкине. 3-е изд. М., 1989; Вацуро В. Э. Записки комментатора. СПб., 1994; Пушкин в прижизненной критике. СПб., 1996–2008. Т. 1–4; Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. СПб., 1998. Т. 1–2; Винокур Г. О. Собрание трудов. М., 1999. Т. 2: Статьи о Пушкине; Летопись жизни и творчества А. Пушкина / Сост. М. А. Цявловский, А. Я. Левкович, Н. А. Тархова. М., 1999–2005. Т. 1–5; Михайлова Н. И. «Витийства грозный дар...»: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999; Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб., 1999; Непомнящий В. С. Поэзия и судьба. 3-е изд. М., 1999; Онегинская энциклопедия. М., 1999–2004. Т. 1–2; Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М., 1999; Пушкин и его современники: Сб. СПб., 1999–2009. Вып. 1–5(40–44); Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина: Исследование и материалы. 5-е изд. СПб., 1999; А. С. Пушкин: pro et contra. СПб., 2000. Т. 1–2; Хроника жизни и творчества А. С. Пушкина: В 3 т. / Сост. Г. И. Долдобанов, А. А. Макаров. М., 2000–2009–. Т. 1–2–; Шоу Д. Т. Конкорданс к стихам А. С. Пушкина. М., 2000. Т. 1–2; Сурат И. З., Бочаров С. Г. Пушкин. Краткий очерк жизни и творчества. М., 2002; А. С. Пушкин: Документы к биографии. СПб., 2007–2010. [Т. 1–2]; Пушкин в печати, 1814–1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни / Сост. Н. А. Синявский, М. А. Цявловский. 2-е изд. М., 1938; Мартынов Г. Г. Библиография пушкинской библиографии, 1846–2001. СПб., 2002.